УДК: 81.119

КАТЕГОРИЯ ПРЕДЛОГА В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ

© И. А. Солодилова, И. В. Гуляева*

*Оренбургский государственный университет
Россия, 460018 г. Оренбург, пр. Победы, 13.**Тел.: +7 (3532) 37 24 34.**Email: kudashkina@mail.ru*

Статья посвящена одной из горячо обсуждаемых в когнитивной лингвистике проблем – проблеме категоризации вообще и категоризации частей речи в частности. В центре научного интереса авторов статьи – категория предлога, которая понимается (по Н. Н. Болдыреву) как лексико-грамматическая категория, отражающая, как и другие лексические категории языка, определенную часть онтологической картины мира, а именно отношения и связи между объектами реального мира, и представляющая в то же время некоторый фрагмент онтологической модели языка, выражая в нем подчинительную связь между ЛЕ. Экскурс в историю изучения вопроса позволил выявить различные подходы к описанию исследуемой категории: классический, постулирующий в качестве правила категориальной принадлежности наличие необходимых и достаточных признаков; вариантно-инвариантный, отсылающий к понятиям инварианта как абстракции, обобщенного понимания класса объектов, и варианта, реального его (обобщенного представления) представителя; прототипический (фамильного сходства), утверждающий в качестве основы построения категории некий прототип, реальный и лучший ее представитель. В результате использования указанных подходов выявился ряд противоречий, таких как невозможность выделения постоянного набора необходимых и достаточных признаков для частей речи вообще и для предлога в частности при рассмотрении на разных языковых уровнях, сложность четкого определения содержания инварианта как научной абстракции, в определенной степени субъективность выделения «лучшего» образца той или иной категории. Анализ этих противоречий дал возможность сделать собственные предложения в решении использования того или иного подхода и определения категориального типа. Классический, вариантно-инвариантный и прототипический подходы предлагается рассматривать именно как подходы к описанию/моделированию содержания категории, а не как изначально данные типы, по которым якобы структурируются в сознании человека те или иные категории. Следовательно, любой из подходов может быть использован для изучения той или иной категории, использование его определяется лишь целью изучения, такой как выявление категориального ядра, ближней и дальней периферии, национального своеобразия и т.п.

Ключевые слова: категория, категоризация, части речи, предлог, инвариантно-вариантный, прототипический, принцип фамильного сходства.

Специфика когнитивной лингвистики как научного направления определяется рядом положений, связанных с постановкой общей цели и конкретных задач в изучении когнитивной функции языка. Безусловно, важным при этом является, прежде всего, трактовка объекта исследования – языка, рассматриваемого как атрибут человеческого сознания, функциональное своеобразие которого задается двумя факторами: с одной стороны, когнитивной способностью человека воспринимать и перерабатывать получаемую извне информацию, фиксируя результаты этих процессов в языковых единицах, структурах, моделях, а с другой, экстралингвистическими по своей природе «запросами» коммуникативной реальности и способностью языка адекватно отвечать на них, выполняя главную свою функцию – функцию общения. Ключевыми операциями в означенных процессах первого типа являются операции категоризации и концептуализации, что неоднократно подчеркивалось ведущими лингвистами-когнитологами, в т.ч. Е. С. Кубряковой, считающей категоризацию основополагающей операцией мыслительной и предметно-познаватель-

ной деятельности человека, а процесс образования категорий – отражением самых существенных, самых общих итогов своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведением ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам, рубрикам [10].

Категория предлога входит в общую структуру категорий частей речи, поэтому проблема выделения и описания данной категории неразрывно связана с проблемой определения частей речи как категорий языка.

Как известно, с древности и вплоть до середины XX в. в науке господствовало представление о категории, восходящее к трудам Платона и Аристотеля. Согласно данному представлению категория объединяет элементы, обладающие обязательным набором наиболее существенных признаков, которые являются равноправными по отношению друг к другу, а также бинарно противопоставленными. При таком подходе, который принято называть классическим или традиционным, категории представляли собой «абстрактные вместилища» с абсолютно четкими границами. Эта трактовка позволя-

ла избежать промежуточных случаев и однозначно определять являются ли те или иные элементы членами искомой категории или нет.

На основе этого понимания Платон разграничивал имя и глагол, рассматривая это противопоставление с точки зрения его важности для организации предложения, т.е., используя синтаксический критерий для определения данных категорий. «По определению Платона, существительные – это слова, которые могут выступать в предложении как субъекты предикации, а глаголы – это слова, которые могут выражать предизируемое действие или свойство» [12, с. 29]. Воззрения Платона сегодня находят отражение в таких терминах как тема и рема, топик и коммент, субъект и предикат. Заимствовав у Платона это противопоставление, Аристотель стал, однако, рассматривать эти категории под другим углом, а именно противопоставляя существительное и глагол как части речи, изменяемые по разным параметрам (существительные – по родам, глаголы – по временам), используя тем самым для разграничения частей речи наличие или отсутствие определенного морфологического критерия. Именно Аристотель вводит понятие о неизменяемых словах (среди которых и предлоги) в противовес склоняемым или спрягаемым. Он делит также все слова на «значащие» (имя, глагол) и «незначащие» – все остальные, в т.ч. и местоимения.

Позднее другой античный ученый, представитель александрийской грамматической школы Дионисий Фракийский в своем труде «Искусство грамматики» выделил восемь частей речи, среди них и предлог, характеризуя его как часть речи, способную занимать позицию перед любым членом предложения.

Разграничение частей речи по морфологическим признакам получает дальнейшее распространение, однако вкупе с ними часто начинают использовать и понятийные признаки. Так, римский грамматик Донат указывает, что «имя есть часть речи, наделенная падежом и обозначающая тело или вещь» (цит. по [1, с. 7]). Таким образом, можно утверждать, что уже в древности ученые пришли к необходимости использовать разноуровневые критерии при выделении частей речи. В своей грамматике латинского языка Донат вводит термин *praepositio* для обозначения предлогов. Немецкие грамматисты следовали его примеру вплоть до XVIII в. Так, Иоганн Клай в своей фундаментальной грамматике «*Grammatica germanicae linguae*» выделяет предлог среди трех нефлексивных частей речи и обозначает его этим термином.

Дефиниция предлогов и определение количественного состава этой категории во все времена представляла одну из наиболее спорных проблем в их исследовании. Действительно, как верно заметил В. Грисхабер, подобрать исчерпывающее определение данной части речи, используя четкие критерии (или критерий) отбора и пытаясь при этом

сохранить традиционный количественный состав элементов этого класса, представляется крайне сложной задачей [21]. Античные ученые изначально выделяли два основных критерия при определении категории предлогов: синтаксический (позиция перед определяемым словом) и морфологический (неизменяемая форма). При этом опирались они в равной степени на оба указанных критерия, видимо, уже тогда полагая, что для классификации таких языковых единиц, как части речи, возможно использовать разнопорядковые критерии. Маркус Хунд [22] предлагает следующий набор критериев, используемых в современных грамматических теориях для выделения предлога как части речи:

- а) морфологический – неизменяемая форма;
- б) семантический – влияние предлогов на значение предложных словосочетаний;
- в) синтаксический – невозможность выступать в качестве члена предложения, падежное управление (как правило), а также преимущественная позиция перед номинальным определяемым словом (в немецком языке);
- г) коммуникативно-прагматический – не обладать ни номинативной, ни предикативной функцией.

Современные лингвисты с их стремлением к созданию универсальной грамматики зачастую критически оценивали такой подход: «Как давно отметили Г. Пауль и Ф. Ф. Фортунатов, старая классификационная схема частей речи не имела единого принципа деления, а смешанные критерии (морфологические, синтаксические и лексико-семантические) невозможно привести к единому знаменателю» [8, с. 128].

Данное обстоятельство повлияло на поиски ведущего признака для построения категорий частей речи. Так, для отечественной русистики наиболее характерно развитие морфологического направления, синтаксическому критерию здесь уделяется мало внимания. Однако, как утверждает Б. А. Серебренников, в типологическом плане использование узкоморфологического подхода оказывается неэффективным: «Недостаток морфологического критерия выделения частей речи состоит в том, что он не является всеобъемлющим и совершенно не пригоден для языков со слабо развитой морфологической системой» [16, с. 18]. Кроме того, наличие одних и тех же морфологических категорий в разных языках не является условием их одинакового функционирования, напротив, в разных языках они могут реализовываться совершенно по-разному.

Большую универсальность и, соответственно, эффективность в плане сопоставления языков демонстрирует синтаксический подход. По мнению представителей этого подхода в отечественной лингвистике И. И. Мещанинова и В. И. Дегтярева, именно синтаксические функции слов предопределяют образование на основе членов предложения частей речи [15]: «Категориальные значения исто-

рически формируются в соответствии с синтаксическими функциями слова в структуре предложения» (см. [16, с. 24]). При этом, как подчеркивает Е. С. Кубрякова, применимость синтаксического критерия также ограничена, например, для изолирующих языков.

При этом сторонники функционально-семантических разрядов слов считают, что именно «значение частей речи определяет все их остальные свойства и морфологическое оформление» [16, с. 25].

В различных лингвистических теориях учеными выделяются различные ведущие критерии:

1. В традиционной грамматике предлоги объединяются по их синтаксической функции устанавливать отношение между управляемым именем или местоимением и другим словом.

2. Структурализм понимает предлоги как функциональные слова, слова с ограниченным собственным значением и минимальными изменениями в диахроническом плане.

3. В падежной грамматике Ч. Филмора предлоги рассматриваются как выражение глубинного падежа.

4. Генеративная грамматика выделяет предлог как одну из четырех главных частей речи с признаками [-N, -V] и синтаксическим свойством занимать головную позицию и определять падеж.

5. Функциональная прагматика рассматривает предлоги с точки зрения их функции и принадлежности к соответствующему речевому полю (см. [23, с. 18]).

В последние десятилетия в связи с появлением двух ведущих научных парадигм – когнитивной и коммуникативной – возникло и развивается новое понимание частей речи. По мнению Е. С. Кубряковой, «категория ЧР получает все более адекватное отражение как бы с двух сторон: со стороны ментальной деятельности человека и со стороны его коммуникативной деятельности, благодаря чему именно речемыслительный характер ЧР получает свое подробное освещение» [11, с. 132]. Так, соглашаясь с утверждением о важности семантического критерия, ученый предлагает использование новой терминологии, именуя данный критерий когнитивным, или концептуальным: «Иными словами, мы полагаем, что вне зависимости от конкретного языка люди оперируют в мыслительных процессах концептами предмета, процесса, признака, числа и т.п., <...> Общее единство принципов восприятия мира приводит к тому, что и принципы распределения слов в разных языках в общих своих границах совпадают» [11, с. 123].

Факт несовпадения представления аналогичных концептов в разных языках Е. С. Кубрякова объясняет тем, что на развитие того или иного признака оказывают влияние множество факторов (географический, культурнообщественный, антропологический, биологический и т.п.), которые и определяют в конечном итоге индивидуальность

каждого языка. В то же время ученый не соглашается с мнением некоторых лингвистов о том, что сочетание разноплановых критериев при описании частей речи является противоречивым и подлежит пересмотру. Для нее этот факт, скорее, является неоспоримым доказательством принадлежности частей речи к естественным или прототипическим категориям, которые в отличие от классических аристотелевских категорий строятся на сочетании, «казалось бы, разнородных признаков, но на самом деле представляющих собой гомогенное целое» [11, с. 126]. Согласуется с этим положением и высказывание Л. В. Щерб: «Самое различие “частей речи” едва ли можно считать результатом “научной” классификации слов» [19, с. 78].

Важным, на наш взгляд, является установка, что при определении понятия категории следует проводить различие между научной категорией, которая строится на основе необходимых и достаточных признаков, присущих всем ее членам, и естественной, для которой наличие у каждого члена того или иного признака, даже существенного, вовсе не является обязательным условием. «Естественные категории складываются исторически, и хотя общий результат их развития может казаться нелогичным, в принципах включения в это объединение новых членов всегда присутствовала своя логика, т.е. особые побудительные мотивы» [11, с. 126]. Эту логику отчасти объясняет понятие семейного сходства, связанное с именем Л. фон Витгенштейна [25]. Кратко охарактеризовать сущность этого понятия может высказывание Н. Н. Болдырева: «<...> в одной семье черты сходства: телосложение, внешние черты, цвет глаз, походка, темперамент и т.д., – могут встречаться в разном сочетании у разных членов семьи, и в то же время это одна семья» [2, с. 72].

Естественные категории ориентированы на прототип, т.е. лучший образец [24]. По мнению А. Вежбицкой, это связано с тем, что прототип отражает чисто человеческое представление о сути категории, репрезентирующее подобное представление наглядным образом.

В структуре прототипической категории ученые выделяют вертикальный и горизонтальный аспект категоризации. Вертикальный аспект отражает иерархическую организацию членов категории, а горизонтальный – уровень их обобщения. Таким образом, каждый элемент категории может соотноситься с другими элементами того же уровня обобщенности и в то же время с элементами других уровней обобщенности. Среди этих уровней ученые выделяют базовый, по отношению к которому остальные являются суперординатными, т.е. уровнями более высокой степени абстракции, или субординатными – с меньшей степенью абстракции. Особое значение сторонниками прототипического подхода придается базовому уровню, элементы которого воспринимаются целостно, как единый ментальный образ, что позволяет сознанию быстро

оперировать ими. В связи с этим большая часть повседневной коммуникации протекает именно на базовом уровне.

Если говорить о зарубежных представителях данного направления, то за идею отнесения категорий частей речи к прототипическим категориям высказывается, в частности, немецкий лингвист М. Хундт (2000). Подобно Е. С. Кубряковой он видит необходимость классификации частей речи на основе смешанных критериев при наличии нечетких границ между категориями тех или иных частей речи. С его точки зрения, теория прототипов Э. Рош (1973) как нельзя лучше объясняет это явление. Понятие «часть речи» в категориальной иерархии он видит на срединном уровне между морфо-синтаксисом, с одной стороны, и структурой предложения, с другой.

В отличие от М. Хундта Г. Рау (1999) предлагает представить понятие «части речи» в иерархической структуре прототипической категории в качестве суперординатного уровня с субординатными уровнями (имя собственное, вспомогательные глаголы, имя существительное). На базовом же уровне будут находиться элементы с прототипической структурой. В случае предлогов – это неизменяемые элементы, стоящие перед именем существительным. Следует заметить, что в немецкой грамматике для более точного описания места положения предлога употребляются также термины *Postposition* (послелог), характеризующий положение после имени, и *Zirkumposition* – для ‘предлогов’, окружающих имя, однако самым распространенным по-прежнему остается именно наименование *Präposition* (от лат. *Præpositio* – ставить впереди). Это свидетельствует в пользу того, что именно те предлоги, которые стояли перед именем, использовались в качестве прототипа данной категории. Следует заметить, что аналогичные термины характерны не только для германских, но и для романских и славянских языков.

При лингвокогнитивном подходе образование категорий объясняется на основе связи с «формированием когнитивных концептов и их устойчивых объединений» как «стандартный путь переработки поступающей информации» [7, с. 37]. Концептуальное сходство объектов, устанавливаемое человеком, определяется в когнитивной лингвистике универсальным свойством категории, которое, с одной стороны, «отличает ее от других форматов знания, а с другой, обеспечивает широкое разнообразие естественных и языковых категорий» [4, с. 23; 9, с. 90].

Наиболее исчерпывающей в решении обсуждаемой проблемы является, на наш взгляд, теория Н. Н. Болдырева о форматах знания. В данной теории речь идет о форме представления знаний на мыслительном и языковом уровне. Категории естественных объектов рассматриваются в качестве отдельного формата знания и определяются как объединение объектов на основе общего концепта

[5, с. 29]. Языковые категории также видятся особым форматом знания как результат осмысления мира в языке: «в языке категории как классы языковых объектов с общими концептуальными характеристиками приобретают характер особых форматов знания, выполняющих специфическую роль в организации и оперативном использовании знаний о мире, о языке как части мира, о способах их обработки и интерпретации человеком» [4, с. 23]. Исходя из этого понимания, Н. Н. Болдырев выделяет в языке также три группы категорий, соотнося их с тремя типами языкового знания: *лексические категории*, *грамматические категории* и *модусные категории*. Лексический категориальный формат знания воспроизводит в языке структуру и содержание категорий естественных объектов, т.е. онтологическую модель категоризации мира, и реализует, таким образом, гносеологическую функцию языка и мышления. Грамматические и лексико-грамматические категории представляют онтологическую модель языка и обеспечивают реализацию его коммуникативной функции. Грамматические значения формируются как отражение принципов и закономерностей внутреннего устройства языка [3, с. 10 – 20]. Третий формат языкового знания содержится в языковых единицах и категориях модусного типа (*отрицание*, *аксиологические (собственно оценочные) категории*, *категории аппроксимации*, *эвиденциальности* и т.п.). Эти категории обеспечивают говорящим возможности различной интерпретации того или иного концептуального содержания, иными словами, отражают интерпретативную модель мира и как таковые связаны с онтологией человеческого сознания, его интерпретирующей функцией [5, с. 33].

Разграничение онтологического и гносеологического аспектов языка позволило ученому определить структуру лексических категорий как аналоговую категориям естественных объектов, а грамматических, вследствие их способности отражать онтологию языка, – как в большей степени прототипическую.

Использование данной теории для определения категории предлога приводит нас к следующему утверждению: предлог как *лексико-грамматическая* категория отражает, с одной стороны, онтологическую модель мира (в его лексическом статусе) и онтологическую модель языка (в его грамматическом статусе). Даже поверхностное наблюдение за категорией предлогов позволяет согласиться с этим утверждением. Являясь языковым средством обозначения отношений и связей между естественными объектами, предлог, таким образом, воспроизводит в языке определенную часть онтологической картины мира, сохраняя при этом национально-культурную специфику восприятия этого мира (именно поэтому не существует полного совпадения объема значений предлогов в разных языках). Выполняя в то же время грамматическую функцию – функцию обозначения подчинительной связи между

знаменательными словами, – категория предлога представляет определенный фрагмент онтологической модели языка, формируясь согласно закономерностям его внутреннего устройства.

В рамках описанной теории предполагается, что лексические категории строятся по вариантно-инвариантному принципу, а грамматические имеют прототипическую структуру.

В отношении предлогов ответ на этот вопрос, на наш взгляд, не столь однозначен уже в силу того, что предлоги квалифицируются как *лексико-грамматические* категории и, следовательно, могут проявлять признаки и одного, и другого структурного типа. Кроме того, если мы рассматриваем категории как форматы *знания*, то должны говорить о структуре представления именно знания как такового.

Все более утверждающееся в науке мнение о существовании различных принципов структурной организации категорий базируется на *тезисе* о их (категорий) концептуальной основе. Утверждается, что если знания и представления о тех или иных предметах, явлениях окружающего пространства имеют различную природу формирования (конкретно-чувственный образ, предметно-практическая деятельность, обыденное познание или теоретическое осмысление, социальное взаимодействие и т.д.), то следует признать наличие различных принципов организации и категориального знания. Однако пока «черный ящик» остается черным, тезис остается тезисом. На наш взгляд, действительная организация категориальных форматов знания и попытки ученых описать как само знание, так и его организацию, используя *метод* моделирования (прототипическая *модель*, инвариантно-вариантная *модель*), не есть одно и то же. И чтобы выбрать ту или иную сторону, или и ту, и другую сразу, необходимо понять, в чем же их суть и разница.

Определяя структуру онтологических по своей сути категорий (категории естественных объектов и категории грамматики) как прототипическую, а структуру лексических категорий как инвариантно-вариантную, ученые тем самым противопоставляют сами принципы организации. Но если рассмотреть суть этих принципов, то окажется, что не столь они и различны.

Известный советский и российский лингвист В. М. Солнцев еще в 1984 г. в статье «Вариативность как общее свойство языковой системы», опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», на наш взгляд, логично и последовательно охарактеризовал вариантно-инвариантный подход к изучению языка, утверждая при этом вариативность как общее свойство, заложенное «в самом «устройстве» языковой системы, как способ<а> существования и функционирования всех без исключения единиц языка» [17 с. 31]. Характеризуя понятие варианта и инварианта, он указывает на один из важных моментов в теории вариативности, а именно на то, «что инвариант – это всегда аб-

стракция, понятие, в котором отображены общие свойства класса объектов, присущие этому классу в данный отрезок времени. Инвариант не существует как отдельная конкретная вещь. <...> Инвариант – <...> название класса относительно однородных объектов» [17, с. 32]. Иными словами, инвариант – есть понятие о классе в целом. По мнению ученого, язык имеет вариантно-инвариантное строение уже потому, что моделирует строение мира, также вариантно-инвариантное. Понятия-абстракции, такие как «дерево-вообще», «лошадь вообще» есть несуществующие в природе инварианты конкретных лошадей и деревьев.

Утверждение, что все категории объектов реального мира имеют прототипический принцип организации, требует, прежде всего, понимания того, что есть прототип. А толкования здесь разнятся. Если под прототипом понимать «абстрактную репрезентацию некоторого набора стимулов (объектов), «воплощающую» в себе множество форм одного и того же класса» и хранящуюся в памяти, с которой соотносится стимул при его опознании (согласно концепции опознания), или «не-что среднее из всех конкретных экземпляров» (согласно *модели центральной тенденции*) [15], то, собственно, особой разницы между инвариантно-вариантным и прототипическим принципом организации категориального знания не наблюдается. Если же рассматривать прототип в рамках *модели частоты признаков*, то его понимание сводится к «лучшему экземпляру» из некоторого набора стимулов (объектов), отражающему наиболее часто встречающееся сочетание признаков [15], и предопределяет несколько иное толкование типа структурирования. Именно это толкование было взято за основу Э. Рош и подхвачено многими представителями когнитивного направления в лингвистике. Но даже на уровне самонаблюдения становится понятно, что данное толкование часто не соответствует сделанным выводам, касающимся категориального знания об объектах реальной действительности. Если то, что мы представляем себе, говоря о той или иной категории естественных объектов, можно нарисовать (схема, рисунок как одна из моделей представления концептуального знания, наряду со скриптом, сценарием, фреймом и др.), то известные примеры прототипов в теории Э. Рош могут быть оспорены. На просьбу нарисовать птицу русский человек едва ли будет рисовать именно воробья, скорее всего это будет схематичное изображение, имеющее голову и крылья, т.е. нечто, содержащее наиболее частотные признаки представителей этой категории. У категории «фрукты» не может быть такого схематичного изображения, т.к. это собирательное понятие, именно поэтому придется рисовать конкретный фрукт. Кроме того, если использовать уровневую классификацию категорий Э. Рош, то «птица» и «фрукты» будут относиться к различным уровням категоризации: базовому в

первом случае и суперординантному – во втором. Низкая степень сходства внутри категорий суперординантного уровня и не позволяет сформировать в сознании единое – обобщенное – представление (что характерно для категорий базового уровня), и человек вынужден прибегать к наиболее *типичным* представителям этого класса, т.е. прототипам. Значит, о прототипическом характере организации категориального знания можно говорить, скорее всего, лишь по отношению к категориям суперординантного уровня. О каком прототипе может идти речь, если рассматривать, например, категорию «такса», как принадлежащую субординантному уровню? И не тем ли самым инвариантом являются категории базового уровня, если это (по определению самих авторов теории) наиболее абстрактное знание, на основе которого формируется ментальный образ, объединяющий в себе наиболее специфичные признаки, свойственные представителям данной категории? И даже если принять за исходную позицию, что в основе той или иной категории лежит прототип (наилучший экземпляр), тем не менее, мы будем говорить о категориальном *знании* – информации о представителях данной категории/данного класса, результатом моделирования которого (знания) будет структура состоящая из центра – *знания* о прототипе как лучшем образце, т.е. информации о наиболее частотных (= главных) признаках представителей данного класса, и периферии (ближайшей и дальней), включающей *знание* о представителях категории, имеющих лишь часть из этих признаков. Не о том же ли самом идет речь при интерпретации вариантно-инвариантной модели *описания/представления* категориального знания?

Возвращаясь к объекту нашего исследования и шире, вообще к языковым категориям, хотелось бы вновь обратиться к уже цитируемой работе В. М. Солнцева. Признаваемый и в данной работе вариантно-инвариантный принцип организации лексических категорий трактуется, однако, несколько иначе. Инвариантный характер лексического значения проявляется, по мнению ученого, на уровне его рассмотрения как абстракции, не существующей в реальности языковой коммуникации *совокупности наиболее употребительных значений данной ЛЕ*, которые (значения) – реально данные (в иной терминологии, опредмеченные в слове как единице речи) – представляют собой варианты этого значения [17, с. 40]. (Данное утверждение логически отрицает изначальную заданность/данность языковой системы как реальности, но как научной абстракции – производной от совокупности речевых употреблений – идея, всецело поддерживаемая нами в рамках исследования оценочной семантики [18]).

Вариантно-инвариантный *подход* оправдан и при рассмотрении общеграмматических значений: значение предметности, глагольности/действия, признаковости в рамках частеречной организации лексических единиц, значение лица (вообще) по

отношению к отдельным личным формам лица глагола, грамматическое значение падежа (вообще) по отношению к конкретным значениям отдельных падежей и т.п.

Что есть прототип (= *лучший экземпляр категории, быстрее всего актуализирующийся в сознании при назывании ее имени*) грамматической категории времени, падежа, части речи и т.д., представить сложно, но в чем заключается наше – обобщенное (в зависимости от лингвистической компетенции более или менее объемное) – знание о данных категориях, мы всегда сможем определить.

Суммируя выше сказанное, попытаемся сформулировать нашу позицию по проблеме выбора того или иного принципа организации категории.

Теория прототипов Э. Рош, как, впрочем, и теория семейного сходства Л. Виттгенштейна внесли, безусловно, значительный вклад в понимание и описание категориального знания особенно утверждением размытости границ категории и необязательности наличия всех – необходимых и достаточных – признаков (составляющих информативное ядро категориального знания) для определения категориальной принадлежности объекта. Однако было бы абсолютно неверным отрицать достижения классической теории категориального устройства, поскольку данная позиция исключает из сферы исследования фундаментальное для существования категориальных систем свойство – свойство общности ее членов [13, с. 375] (и в этом мы абсолютно согласны с этим, все более утверждающимся, мнением). То же самое, пожалуй, относится и к утверждению того или иного *типа* категориального устройства. Классическим, вариантно-инвариантным или прототипическим может быть лишь *подход* к изучению и описанию категорий, согласно которым определяется или только ядро категории – совокупность наиболее частотных, категориально значимых признаков, или соотношение общего и частного, периферийного и степень отклонения от эталона, или культурно/национально значимые отличия и т.д. Собственно таково в своей основе и мнение родоначальника теории прототипов: «Их <классический и прототипический подходы> противопоставляют, как правило, для того, уточняет А. Вежбицкая, – чтобы объявить классический подход ложным, а прототипический истинным. По моему мнению, однако, подобное противопоставление двух подходов нам ничего не может дать. Мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не предпочтении одной в ущерб другой» [6, с. 201].

Соответственно этой логике, использование вариантно-инвариантного подхода позволяет выявить наиболее общее семантическое знание о предлогах – совокупность значимых для данной категории признаков, по которым и происходит определение категориальной принадлежности, и, соответственно, выделить категориальное ядро и его периферию. Принцип фамильного сходства

позволяет отнести к данной категории и описать те лексические единицы, которые не удовлетворяют требованию «необходимых и достаточных признаков», расширяя тем самым знания о категории и функционировании ее представителей. А прототипический подход – выявить национальные отличия в содержании аналоговых категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В. М. Принципы типологического описания частей речи // Части речи. М., 1990. С. 25–50.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.
3. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопр. когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 5–22.
4. Болдырев Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопр. когнитивной лингвистики. 2007. №4. С. 17–27.
5. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. монография. М.; Тамбов: ИЯз РАН / изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. (пер. с англ.) / отв. ред. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари. 1994. 416 с., с. 201.
7. Иссерс О. С. Когнитивные категории базового уровня как инструмент речевого воздействия // Семантика языковых единиц: доклады VI Международн. Конференции. Т. 1. М., 1998. С. 37–39.
8. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
9. Кобрин О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. №2. С. 90–100.
10. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
12. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
13. Ма Т. Ю. Классические, прототипические и акцидентные категории // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. №5(1). С. 373–377.
14. Мещанинов И. И. Части речи и члены предложения. Л., 1978.
15. Психологический словарь. URL: asket.info/09slovar
16. Серебренников Б. А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенность описания // Принципы описания языков мира. М., 1976. С. 7–52.
17. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. №2. С. 31–42., с. 40.
18. Солодилова И. А. Оценка: концептуальные и языковые особенности реализации: монография. Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ. 2015. 482 с.
19. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 77–99.
20. Griebhaber W. (1999) Die relationierende Prozedur. Zu Grammatik und Pragmatik lokaler Präpositionen und ihrer Verwendung durch türkische Deutschlerner. Münster / New York: Waxmann.
21. Griebhaber W. (2009) Präposition. In: Handbuch der deutschen Wortarten. Berlin u. New York: de Gruyter, P. 629–655.
22. Hundt M. (2000) Deutschlands meiste Kreditkarte – Probleme der Wortartenklassifikation. In: Deutsche Sprache 28, P. 1–24
23. Rauh G. (1991) Prepositional forms in the lexicon: problems and suggestions. In: Rauh, G. (ed.) (1991) Approaches to Prepositions. Tübingen: Narr, P. 169–223.
24. Rosch E. H. Cognitive representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. 1975. Vol. 104. P. 192–233.
25. Wittgenstein L. Philosophical investigations: Philosophische Untersuchungen. O.; N. Y., 1953.

Поступила в редакцию 17.09.2018 г.

CATEGORY OF PREPOSITION IN THE COGNITIVE ASPECT OF THE STUDY

© I. A. Solodilova, I. V. Guliaeva*

*Orenburg State University
13 Pobedy Avenue, 460018 Orenburg, Russia.*

Phone: +7 (3532) 37 24 34.

**Email: kudashkina@mail.ru*

The article is devoted to one of the most hotly debated issues in cognitive linguistics – the categorization in general and the categorization of parts of speech in particular. The authors focus on the category of preposition. According to N. N. Boldyrev, it is understood as a lexical-grammatical category, which, on the one hand, reflects (like other lexical categories of language) a certain part of the ontological image of the world (namely, connections between objects of the real world) and, on the other hand, represents a fragment of the ontological model of the language, expressing subordinate relations between the lexical items. The classical approach postulates as the rule of categorial membership the presence of necessary and sufficient characteristics. The variant-invariant approach refers to the concepts of the invariant as an abstraction (a generalized understanding of the class of objects) and to the variant as a real representative of the generalized representation. The prototypical (or family resemblance) approach affirms that the basis for building a category is some prototype – the real and best one of its representatives. There are contradictions that have emerged as a result of using these approaches, such as the impossibility of identifying a constant set of necessary and sufficient attributes for parts of speech in general and for a preposition particularly when considering them at different linguistic levels, the difficulty of clearly defining the content of the invariant as a scientific abstraction, the allocation of the “best” sample of a particular category. The analysis of these contradictions enable the authors to make their own proposals for application of this or that approach and defining a categorial type. Classical, variant-invariant, prototypical (family resemblance) approaches are used as approaches to the description/modeling of the content of categories, but not as initially given types according to which the categories are structured in the mind of a person. Each of the approaches can be used depending on the purpose of the study – for revealing the categorial core, near and far periphery, national identity, etc.

Keywords: category, categorization, parts of speech, preposition, invariant-variant, prototypic, principle of family resemblance.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Alpatov V. M. Chasti rechi. Moscow, 1990. Pp. 25–50.
2. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika: Kurs lektzii po angliiskoi filologii. Tambov: izd-vo Tamb. un-ta, 2001.
3. Boldyrev N. N. Vopr. kognitivnoi lingvistiki. 2006. No. 2. Pp. 5–22.
4. Boldyrev N. N. Vopr. kognitivnoi lingvistiki. 2007. No. 4. Pp. 17–27.
5. Boldyrev N. N. Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke: kollektiv. monografiya. M.; Tambov: IYaz RAN / izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009. Pp. 25–77.
6. Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. (per. s angl.). Ed. M. A. Krongauz. Moscow: Russkie slovari. 1994. 416 pp., s. 201.
7. Issers O. S. Semantika yazykovykh edinits: doklady VI Mezhdunarodn. Konferentsii. Vol. 1. Moscow, 1998. Pp. 37–39.
8. Katsnel'son S. D. Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie. Leningrad, 1972.
9. Kobrina O. A. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2006. No. 2. Pp. 90–100.
10. Kubryakova E. S., Dem'yankov V. Z., Pankrats Yu. G., Luzina L. G. Kratkii slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. E. S. Kubryakovoi. Moscow, 1996.
11. Kubryakova E. S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
12. Laionz Dzh. Vvedenie v teoreticheskuyu lingvistiku. Moscow, 1978.
13. Ma T. Yu. Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2010. No. 5(1). Pp. 373–377.
14. Meshchaninov I. I. Chasti rechi i chleny predlozheniya. Leningrad, 1978.
15. Psikhologicheskii slovar'. URL: [//asket.info/09slovar](http://asket.info/09slovar)
16. Serebrennikov B. A. Printsipy opisaniya yazykov mira. Moscow, 1976. Pp. 7–52.

17. Solntsev V. M. Voprosy yazykoznaniya. 1984. No. 2. Pp. 31–42., s. 40.
18. Solodilova I. A. Otsenka: kontseptual'nye i yazykovye osobennosti realizatsii: monografiya. Orenburgskii gos. un-t. Orenburg: OGU. 2015.
19. Shcherba L. V. O chastyakh rechi v russkom yazyke. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'. Leningrad, 1974. Pp. 77–99.
20. Griebhaber W. (1999) Die relationierende Prozedur. Zu Grammatik und Pragmatik lokaler Präpositionen und ihrer Verwendung durch türkische Deutschlerner. Münster / New York: Waxmann.
21. Griebhaber W. (2009) Präposition. In: Handbuch der deutschen Wortarten. Berlin u. New York: de Gruyter, Pp. 629–655.
22. Hundt M. (2000) Deutschlands meiste Kreditkarte – Probleme der Wortartenklassifikation. In: Deutsche Sprache 28, Pp. 1–24
23. Rauh G. (1991) Prepositional forms in the lexicon: problems and suggestions. In: Rauh, G. (ed.) (1991) Approaches to Prepositions. Tübingen: Narr, Pp. 169–223.
24. Rosch E. H. Journal of Experimental Psychology. 1975. Vol. 104. Pp. 192–233.
25. Wittgenstein L. Philosophical investigations: Philosophische Untersuchungen. O.; N. Y., 1953.

Received 17.09.2018.